

Глава 19: На государственном пиру

«Десять тысяч лет жизни, десять тысяч раз по десять тысяч лет?»

И это они об императоре?

До чего же слащаво, кому такое в голову придёт?

И где только Его Величество откопал такого чудака, да ещё и устроил в его честь столь пышный пир? Сановники из числа девяти министров припомнили, что если бы не заступничество гунцзы, им, занимающим высшие посты в государстве, не представилось бы возможности присутствовать на очередном грандиозном банкете, устроенном императором.

Более дюжины сановников, сидевших по обе стороны зала, переглянулись. Это же нарушение этикета, не так ли? Можно ведь и под импичмент подвести.

Мэн И, Чжан Хань и другие, знавшие, что этот человек — потомок из будущего, явившийся из двухтысячелетней дали, тоже неловко отвели взгляды. Впрочем, им стало любопытно: неужели в грядущих эпохах все чиновники приветствуют своих императоров именно так?

[Ха-ха-ха, по выражению лица брата И и остальных можно прочитать: «Вот же умеют развлекаться эти потомки».]

[Не знаю почему, но мне вдруг тоже показалось, что это «десять тысяч лет» звучит как-то приторно.]

Ин Чжэн смотрел на двух людей внизу. Один громко выкрикивал пожелания долголетия, а перед другим висел прозрачный экран, по которому стремительно неслись белые иероглифы.

Он поднял руку и потёр слегка занывший лоб. Да, определённо, слишком много потомков, отделённых от него двумя десятками столетий, могут заставить прародителя усомниться в своём желании им оставаться.

Пользователи, проследив за взглядом Хэ Мяо, увидели императора.

[О-хо-хо, кажется, Его Величество немного впал в ступор от выходок этих двух сокровищ.]

[Ну, Мяомяо-то ещё ничего.]

В этот самый момент по залу, усиленный эхом, разнёсся ещё один голос:

— Смиранный слуга приветствует Ваше Величество! Десять тысяч лет жизни Вашему Величеству, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

[Ха-ха-ха, Водичка!!! Моя привычка испытывать испанский стыд за других снова дала о себе знать. Подчёркиваю: стыдно мне за Его Величество.]

Хэ Мяо, глядя на даньму, подумал:

«Это Чжэн Ицзин первым начал эту гонку лести. А вдруг Его Величество подумает, что я не знаю этикета?»

— Почему ты с самого начала не прокричал то же самое? — Чжэн Ицзин обернулся к Писарю Хэ.

[Похоже, в одно время не могут ужиться два переселенца.]

[Мяомяо и Чжэн Ицзин оба желают Его Величеству десять тысяч лет жизни. Он должен быть рад, ведь он так мечтал о бессмертии. Иначе разве он позволил бы этому великому обманщику Сюй Фу так себя одурачить?]

[Его Величество всё видит! Как ты смеешь называть его глупцом!]

[Это критика в лицо, вполне допустимо.]

[Ха-ха-ха, великий обманщик Сюй! Критика в лицо! Решено, отныне Сюй Фу будет для меня великим обманщиком, а бестактный разговор с Его Величеством — критикой в лицо.]

[Ха-ха-ха-ха.]

[Хотя вы двое и похожи на детей, пришедших поздравлять с Новым годом, сидящие в зале сановники, должно быть, мечтают немедленно вас отсюда вышвырнуть.]

Историческая группа, не теряя ни секунды, подала голос:

[Согласно исследованиям, ритуал коутоу с пожеланием «десяти тысяч лет» стал монополией императора только после династии Тан. В эпоху Цинь и в ранний период Хань это было просто добрым пожеланием. Использование его в адрес императора... да, наш Великий Первый император, скорее всего, не привык к такой откровенной лести.]

Пользователи:

[То есть вы двое льстецов перестарались и попали пальцем в небо, ха-ха-ха. К тому же вы, вероятно, стали врагами всех придворных. Ваше приветствие подняло планку так высоко, что им теперь придётся думать, подражать вам или нет.]

Все девять министров посмотрели на великого имперского секретаря Чжоу Гуаня. В такой критический момент не пора ли вам выступить с осуждением? Его Величество и так одержим поисками бессмертия, как он устоит перед такими коварными льстецами?

Секретарь с невозмутимым лицом смотрел прямо перед собой, избегая любых зрительных контактов.

В центре всеобщего внимания оказался и другой человек — министр церемоний, сидевший в углу.

«Писарь Хэ первым нарушил придворный этикет, вы должны высказаться».

Министр церемоний и так не хотел присутствовать на этом пиру, поэтому, даже явившись, решил вести себя тихо, как колонна. Его Величество — владыка Поднебесной, его слово — закон. Что такого в том, чтобы ответить на пожелание «десяти тысяч лет»?

К тому же разве вы не знаете, как император благоволит к этому малому писарю? Если вам не по нраву «десять тысяч лет», так и скажите сами.

Ин Чжэн поднял руку. Фусу, взглянув на трон, произнёс:

— Можете встать. Писарь Хэ, проводите вашего друга на место.

Хэ Мяо и Чжэн Ицзин поспешно поднялись и в полной тишине зала мелкими шажками добрались до своих мест. Поскольку пир был устроен в основном в честь Чжэн Ицзина, им выделили довольно почётные места.

Напротив сидели трое высших сановников, ниже — девять министров.

Среди первой тройки верховный военачальник Вэй Ляо и канцлер Ли Сы знали, почему Его Величество устроил столь торжественный, но не слишком формальный приём для Писаря Хэ и его друга.

В конце концов, потомки, прибывшие из-за двухтысячелетней завесы времени, заслуживали самой безграничной милости.

Однако этот новый гость выглядел как-то воровато, не то что Тянь Тянь в прошлый раз или тот молодой человек, которого так и не успели принять до неё.

Чжэн Ицзин, с его узкими, вечно смеющимися глазами, поднял взгляд и встретился с Ли Сы.

Пользователи, чьи глаза следовали за взглядом Хэ Мяо и видели выражения лиц всех присутствующих, после короткого молчания разразились хохотом.

[Озвучка! Начинаем эстафету озвучки!]

[Ли Сы: Хм, это что, потомок? Подальше от меня.]

[Смотрите на выражение лица Чжоу Гуаня!]

[Чжоу Гуань: Меня это не касается.]

[Чжан Хань: Дайте-ка я хорошенько изучу этого потомка.]

Чжоу Гуань заметил на себе взгляд Хэ Мяо и слегка улыбнулся, словно был самым добродушным и всепрощающим старцем.

Писарь Хэ подумал:

«Через пару дней приглашу вас на горячие источники в Лишань».

[Ха-ха-ха, имперский секретарь Чжоу мгновенно сменил страдальческое выражение лица.]

[Тот, что справа от Ли Сы, это ведь Фэн Цюйцзи? После смерти имперского секретаря Чжоу он занял его пост, верно? Но сейчас Чжоу Гуань выглядит гораздо здоровее его. Как он мог умереть раньше?]

Мэн Тянь, впервые видевший даньму с точки зрения Хэ Мяо, нахмурился.

«Всё, хватит. Эти потомки совершенно не умеют держать язык за зубами».

Он бросил взгляд на Чжоу Гуаня.

В то же время Ин Чжэн с беспокойством посмотрел на него.

«К счастью, дорогой министр Чжоу не видит даньму».

Чжоу Гуань сидел прямо, не смея пошевелить ни единым волоском.

«Что-то не так со мной? Или потомки нашли новые исторические сведения, какие-то факты обо мне? Почему все на меня смотрят?»

Чиновник внезапно с ужасом посмотрел на сидевшего напротив Ли Сы.

«Неужели я, как и Ли Сы, в конце концов решил сговориться с Чжао Гао?»

Ли Сы ощутил приступ раздражения.

«Чжоу Гуань, ты, чьё имя даже не сохранилось в истории, с чего ты так на меня смотришь? Даже если я и совершил ошибку в будущем, мои двадцать-тридцать лет верной службы Великой Цинь нельзя просто так перечеркнуть»

Остальные девять министров в недоумении переглядывались. Неужели трое высших сановников так довольны, что теперь на утренних приёмах все должны приветствовать императора по этому новому ритуалу?

Хотя за минуту после того, как Хэ Мяо и Чжэн Ицзин заняли свои места, в зале не прозвучало ни слова, пользователи были в полном восторге.

[Самые напряжённые сцены часто разворачиваются в полной тишине. Бьюсь об заклад, они все сейчас думают: «Почему все молчат?», ха-ха-ха.]

[Настоящая историческая драма с ансамблем актёров! Обожаю такое!]

[Его Величество пригласил столько людей на пир, чтобы мы могли полюбоваться на всех сановников двора Великой Цинь.]

[Неужели Его Величество до сих пор в шоке от «десяти тысяч лет» и не может вымолвить ни слова? Успокойтесь, Ваше Величество, это всё придумали будущие императоры. Хотя они и смеялись над вашими поисками бессмертия, каждый из них втайне мечтал о том же, и, взойдя на трон, каждый до самой смерти слушал это самое “десять тысяч лет”.]

Фусу кашлянул.

Мэн Тянь, Мэн И, Чжан Хань: «Серьёзно, дети, если не умеете говорить, лучше молчите».

Лёгкий кашель гунцзы эхом разнёсся по залу. Все подняли головы, и в этот момент раздался тихий голос:

— Мяомяо, что делать, мне страшно.

Голос, отражаясь от стен специально спроектированного зала, тихо и отчётливо прозвучал в каждом уголке.

Чжэн Ицзин, услышав, как отчётливо прозвучал в тишине его собственный голос, испытал приступ смертельного смущения.

«Здесь же нет микрофонов! Почему мой тихий шёпот прозвучал так громко?»

Хэ Мяо ободряюще улыбнулся ему и прошептал, не используя голосовых связок, одним лишь движением воздуха:

— Ничего страшного, сейчас начнутся танцы и музыка, и всё будет хорошо.

[Ха-ха-ха, если бы Чжэн Ицзин не заговорил, я бы и не заметил этой особенности.]

[Спасибо, что наступил на грабли за нас.]

[Спасибо, что наступил на грабли.]

Чжэн Ицзин подумал:

«Какие же подлые эти пользователи».

В этот момент зазвучала глубокая, величественная музыка, и прозвучавший в зале голос Чжэн Ицзина показался лишь слуховой иллюзией.

Девять министров снова обменялись взглядами: «Что за происхождение у этого малого писаря из Лишаня, Хэ Мяо? Мало того, что у него постоянно появляются какие-то земляки, так ещё и Его Величество относится к ним ко всем с одинаковой благосклонностью. Почему?!»

В этот момент даньму был единодушен:

[Божественная музыка.]

[В современности есть набор колоколов, найденных в гробнице эпохи Сражающихся царств. После реставрации на них играли всего дважды. Услышав этот далёкий звук, словно пробившийся сквозь две тысячи лет, я был тронут до слёз. А теперь я могу лично присутствовать и слышать древнюю музыку, звучащую в Великой Цинь. И каждый раз от волнения у меня волосы встают дыбом, а по телу пробегает дрожь.]

Этот длинный, профессиональный отзыв о музыке выделялся на фоне односложных

«божественная музыка» и привлёк всеобщее внимание.

[Похоже, нужно больше читать. Иначе, как и сейчас, сможешь выдавить из себя только «Чёрт, божественная музыка».]

Фусу, немного разбиравшийся в литературе, скривился.

«Слог у потомков через две тысячи лет... весьма витиеват»

После пары кубков вина Чжэн Ицзин освоился на государственном пиру и стал немного смелее. Он тихонько подсел к Хэ Мяо и, как только собрался заговорить о деле, его пальцы коснулись циновки под ним. Он прошептал:

— Мяо, ты бы хоть немного о себе позаботился. Столько времени уже в Великой Цинь, а до сих пор не сделал стулья.

— А прежде чем сидеть на стульях, нужны штаны, разве нет? Хлопковая ткань ещё не появилась, — ответил Писарь Хэ.

— Точно, точно, — спохватился Чжэн Ицзин. — Я помню, ты отдал хлопок принцессе Чуньян. Она умеет его выращивать? Может, стоит создать ещё одну должность для технического специалиста?

Взгляд камеры сместился с танцев и музыки на лицо Чжэн Ицзина. Пользователи, только что недовольные его бессвязной речью, теперь были в восторге. Он так удачно затронул тему создания новых должностей для переселенцев.

Они тут же забыли о своей прежней нелестной оценке Чжэн Ицзина и закричали в экраны:

[Мяомяо, это отличная идея!]

А некоторые обращались напрямую к гостю:

[Ицзин, давай, договаривайся! Вернёшься — я угощу тебя в ресторане «Белый голубь», шведский стол!]

Чжэн Ицзин с горящими глазами посмотрел на Хэ Мяо.

— Не то чтобы я не согласен, — тихо ответил Хэ Мяо, — у меня просто нет полномочий создавать новые должности. Подождём, может, в лавке с шаобинами понадобятся работники.

Они шептались, и их голоса незаметно становились всё громче.

Сидевший ниже великий слуга Чжан внезапно произнёс:

— Писарь Хэ, я слышал, ваша родина находится в глухих горах. Какие особенности у ваших родных мест? Или, может, в вашей семье хранятся какие-то неизвестные миру классические труды?

— Никаких особенностей, никаких классических трудов, — со всей скромностью, на которую был способен по отношению к прародителям, ответил Хэ Мяо.

— Вот как, — с лёгким презрением в голосе сказал великий слуга Чжан. — Полагаю, ваши предки не были знатными людьми.

«Льстец. Неужели Его Величество так благосклонен к вам лишь потому, что вы умеете подлизываться?»

— Мои предки с вами не согласились бы, — сказал Хэ Мяо, обведя взглядом императора, Фусу и всех остальных сановников в зале, и снова посмотрел на великого слугу Чжана.

[Как же бесит! Хотя великий слуга Чжан тоже один из наших предков, сейчас я совсем не хочу его признавать.]

[Похоже, этот тип целенаправленно наезжает на Мяомяо.]

[Великий слуга Чжан, я тебе так скажу: ты можешь задирать Мяомяо, пользуясь его неопытностью в придворных интригах. Но когда ты начинаешь говорить о его предках, ты нарываешься на неприятности.]

<http://bllate.org/book/16007/1571436>